

следил за творчеством Глюка и в ответ на его настойчивую просьбу дал развернутый анализ оперы «Альцеста».

В 1774 году Глюк был приглашен в Париж, где шла его опера «Ифигения в Авлиде». Под впечатлением музыки оперы Руссо адресовал Глюку короткую записку, в которой нашли отражение его собственные музыкально-эстетические взгляды: «Господин кавалер! Я только что вернулся домой восхищенный с репетиции Вашей оперы „Ифигения“. Вы осуществили то, что я еще вчера считал невозможным. Благоволите принять мои искренние поздравления и самый почтительный привет».

Не будучи профессиональным музыкантом, Руссо много и упорно работал в области теории музыки. Академик Б. В. Асафьев, говоря о роли Руссо в развитии музыкальной культуры, назвал его «проницательнейшим мыслителем и чутким музыкантом, угадавшим своевременность наступления эры городской демократической песенно-романсной лирики»¹⁰.

В историю музыкального творчества XVIII века Руссо вошел как новатор, борец за мелодическое народно-песенное начало, как яркий выразитель эстетических чувств широких народных масс. Выдающиеся его современники — Дидро, Д'Аламбер, Гримм и другие энциклопедисты высоко ценили статьи и обзоры Руссо о музыке, вовлекали его в музыкальные дебаты и признавали знатоком итальянской музыки. Статьи Руссо о музыке были собраны и изданы в 1767 году в сборнике «Музыкальный словарь».

ВЛИЯНИЕ НА РУССКУЮ ОБЩЕСТВЕННУЮ МЫСЛЬ

Общественные идеалы Руссо оказали глубокое влияние на демократические слои русского общества. А. Н. Радищев, например, считал себя активным сторонником и приверженцем Руссо. Он очень высоко ценил его теорию общественного договора и пытался воспользоваться ею для оправдания народных восстаний и мятежей против помещичьей тирании, против «неправосудия государя» и олицетворяемого им жестокого крепостнического режима.

¹⁰ Асафьев Б. В. Избр. труды: В 5-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1954, т. 2, с. 78.

Противопоставляя общественный договор Руссо крепостническим порядкам России, Радищев заявлял: так как российское самодержавие нарушило «безмолвный договор» с народом, вернее, односторонне расторгло его, установив неограниченную деспотическую власть в стране, оно тем самым дало полное право на уничтожение его насильственным, революционным путем.

Теория общественного договора получила отражение и в административных проектах, которые составлял Радищев, работая в законодательной комиссии. Вот что писал он в «Проекте гражданского уложения»: «Собственность — один из предметов, который человек имел в виду, вступая в общество... умалять право его на оную было бы истинное нарушение начального общественного договора»¹. Так конкретизировал Радищев теорию общественного договора Руссо, пропагандируя буржуазные общественные отношения, зарождавшиеся в лоне российского крепостничества.

До Радищева никто не показал так зримо, ощутимо картину бесправия народа в России, нищеты, голода, подневольного труда, зверских издевательств и глумлений над народом. Он впервые мастерски нарисовал благородный, мужественный, трудолюбивый лик крепостного крестьянина, которого он хотел видеть вольным, равноправным и счастливым. «Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? — взволнованно спрашивал Радищев и отвечал: — Земледелец! кормилец наша тощеты, насытитель нашего глада, гот, кто дает нам здравие, кто житие наше продолжает, не имея права распоряжати ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит»².

Революционно-демократические идеалы Руссо были хорошо знакомы и декабристам. Среди них широко распространялись запрещенные переводы произведений Руссо. Глава Южного общества П. И. Пестель разработал в 1824—1825 годах программный документ «Русская правда», основными положениями которой были: уничтожение крепостного права и сословного строя, установление равенства граждан и республиканского правления, освобождение крестьян с землей. Эти программные требования подсказаны декабристам не только отсталыми социально-экономическими условиями России, но и их

¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3-х т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952, т. 3, с. 216.

² Радищев А. Избранное. М.: Московский рабочий, 1959, с. 154.

глубокими благородными патриотическими чувствами. «Но патриотизм, сей светильник жизни гражданской, сия таинственная сила управляет мною,— писал В. Раевский.— Могу ли видеть порабощение народа, моих сограждан, печальные ризы сынов отчизны, всеобщий ропот, боязнь и слезы слабых, бурное негодование и ожесточение сильных — и не сострадать им?»³

Высоко ценил демократические идеалы французских просветителей А. И. Герцен. В юношеские годы произведения Вольтера, Руссо, Дидро были его настольными книгами. В более поздние годы Герцен охотно вспоминал, как велико было влияние революционно-демократических идей Руссо на его сознание. «Мы так же переживали Руссо и Робеспьера, как французы»,— говорил он. Сравнивая и сопоставляя Вольтера и Руссо, Герцен отдавал последнему явное предпочтение, он видел в нем не только выдающегося демократического писателя, но и идеолога французской мелкой буржуазии, давшего якобинцам острое идейное оружие.

«Вольтер и Руссо — почти современники,— писал он,— а какое расстояние делит их! Вольтер еще борется с невежеством за цивилизацию,— Руссо клеймит уже позором самую эту искусственную цивилизацию. Вольтер — дворянин старого века, отворяющий двери из раздушенной залы рококо в новый век; он в галунах, он придворный, он раз был на большом выходе, и, когда Людовик XV проходил, церемониймейстер назвал по имени Франсуа-Мари-Аруэта; по другую сторону двери стоит плебей Руссо, и в нем ничего уж нет *du bon vieux temps* (от доброго старого времени). Едкие шутки Вольтера напоминают герцога Сен-Симона и герцога Ришелье; остроумие Руссо ничего не напоминает, а предсказывает остроумия Комитета общественного благосостояния»⁴.

Сочинения Руссо были также в поле зрения Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Они с захватывающим интересом читали и изучали его республиканско-демократическую программу. Чернышевский собирался даже перевести «Исповедь» Руссо на русский язык и издать ее под названием «Исповеданное». Он был страстным поклонником великого французского писателя-демократа.

³ Избр. социально-политич. и филос. произв. декабристов: В 3-х т. М.: Госполитиздат, 1952, т. 2, с. 369.

⁴ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М.: Изд-во АН СССР, 1954, т. 3, с. 313.

«Ничего, кроме дивно-гениального, не отдавал он в печать», — восторженно говорил о нем Чернышевский. Он считал Руссо очень доступным, «понятым для потомства» писателем, «тоскливо и нежно любящим родину». В своих статьях Чернышевский нередко защищал Руссо от пошлых реакционных нападок буржуазных экономистов и историков. В статье «Капитал и труд» Чернышевский порицал французского экономиста Ф. Бастиа за его злое, враждебное отношение к Руссо. Сей пророк «доказывал, что все на земле устроено премудро, — иронически писал он, — и промысел направляет все к лучшему, и на чем свет стоит бранил Жан Жака Руссо»⁵.

Н. А. Добролюбов считал Руссо великим реформатором-гуманистом, совершившим переворот в западноевропейской педагогике. Критикуя и оспаривая широко распространенный вывод средневековых схоластов, гласивший: «Человек от природы зол», Добролюбов, опираясь на авторитет Руссо, писал, «что человек добр и совершенен, выходя из рук природы, а только с течением времени, от привычки к жизни и от общения с людьми, делается злым и порочным»⁶. Добролюбов, так же как и Чернышевский, высоко ценил революционно-демократические идеалы Руссо.

Большой интерес представляет статья Г. В. Плеханова «Жан Жак Руссо и его учение о происхождении неравенства между людьми». В этой статье Плеханов доказывал полную несостоятельность широко распространенных взглядов, отождествляющих учение Руссо со взглядами Льва Толстого и других писателей. «Отождествлять взгляды Руссо со взглядами Толстого, — справедливо писал он, — можно, только не понимая ни тех, ни других»⁷.

Правда, известно, что и Лев Толстой, по его собственному признанию, с ранних лет и до старости испытывал благотворное влияние Жан Жака Руссо. Так, в письме к Б. Бувье, председателю Общества Ж. Ж. Руссо в Женеве, от 7 марта 1905 года, Толстой писал: «Руссо был моим учителем с 15-летнего возраста. Руссо и Евангелие — два самые сильные и благотворные влияния на всю мою

⁵ Чернышевский Н. Г. Избр. экон. произв.: В 3-х т. М.: Госполитиздат, 1948, т. 2, с. 327.

⁶ Добролюбов Н. А. Избр. филос. произв.: В 2-х т. М.: Госполитиздат, 1948, т. 1, с. 448.

⁷ Плеханов Г. В. Соч.: В 24-х т. М.; Л.: ГИЗ, 1923—1927, т. 18, с. 29.

жизнь. Руссо не стареет. Совсем недавно мне пришлось перечитать некоторые из его произведений, и я испытал то же чувство подъема духа и восхищения, которое я испытывал, читая его в ранней молодости»⁸.

Что именно в литературном наследии французского мыслителя оставило такой большой след в сознании великого русского писателя? В содержательной статье Ю. М. Лотмана «Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века» мы находим на это краткий ответ, не лишенный, однако, подлинной достоверности: «...любая попытка кратко охарактеризовать отношение Толстого к Руссо будет грубо приблизительна, можно отметить, что основным, привлекавшим его в наследии французского мыслителя, был демократизм, вера в доброту естественных порывов человека и осуждение общества, искажающего прекрасные свойства природы»⁹.

Но если проанализировать глубже общественно-политические взгляды Л. Толстого и сравнить их со взглядами Ж. Ж. Руссо, то нам станет ясно, что в действительности между ними были весьма большие расхождения. Толстой, как известно, строил свое учение, по его собственному признанию, на базе «религиозного и нравственного самосовершенствования отдельных личностей». Он отвергал политические средства борьбы с российским самодержавием и пропагандировал свое излюбленное «непротивление злу насилием». Он полагал, что только на основе благочестивого отречения от политической агитации возможен «истинный исторический прогресс».

Ничего подобного не было в социальных воззрениях Руссо. Напротив, он стремился воплотить свои общественные идеалы политическими средствами борьбы. Он был признанным идеологом французского якобинства, беспощадно расправлявшегося с врагами революции. Вождь якобинцев Робеспьер, как уже говорилось, считал себя ревностным учеником «бессмертного Жан Жака». «...Ты научил меня познать себя,— восторженно заявлял он...— Старое здание рушилось; на развалинах его поднялся портик нового здания, для построения которого я благодаря тебе принес и свой камень»¹⁰.

⁸ Цит. по кн.: Толстой в воспоминаниях современников: В 2-х т. М.: Гослитиздат, 1978, т. 2, с. 586.

⁹ Цит. по кн.: *Руссо Ж. Ж. Трактаты*, с. 602.

¹⁰ Цит. по кн.: *История философии*. М.: Госполитиздат, 1941, т. 2, с. 334.

В упомянутой статье Г. В. Плеханова бросается в глаза некоторое преувеличение теоретических заслуг Руссо. Плеханов не только переоценил его заслуги, но и пытался сблизить воззрения Руссо с диалектико-материалистическими взглядами Маркса и Энгельса. Характерно в данном случае такое суждение Плеханова:

«Великая теоретическая заслуга Руссо как автора „Рассуждения о происхождении и основах неравенства между людьми“ состоит в том, что, не довольствуясь господствовавшим в XVIII веке идеалистическим взглядом на ход развития просвещения, он попытался взглянуть на этот ход с точки зрения того материалистического положения, согласно которому не мышление определяет собою бытие, а бытие определяет собою мышление»¹¹.

Что же послужило основанием для такого смелого утверждения? Разумеется, не зрелые и не осознанные Руссо материалистические выводы, а отдельные элементы материализма, встречающиеся в этой его статье. Этого, конечно, слишком мало для того, чтобы рассматривать Руссо как предшественника исторического материализма.

Все принципиальные суждения Руссо о ходе развития просвещения, об историческом процессе вообще, безусловно, шли по линии философского идеализма. Плеханов, правда, не считал, что Руссо удалось выработать стройное и последовательное материалистическое мировоззрение. Но он заявлял, что у «этого идеалиста сложился (курсив мой.— А. Д.) несравненно более материалистический взгляд на историю, чем у ненавистного ему материалистического кружка гольбаховцев». Плеханов трактует суждения Руссо как некий особый взгляд на историю: не марксистский и не гольбаховский. В сравнении с Марксом и Энгельсом, по словам Плеханова, Руссо — идеалист в понимании истории. А в сравнении с «ненавистным» ему кружком гольбаховцев он якобы имел более материалистический взгляд.

Так ли это? Каковы в действительности взгляды Руссо на исторические условия общественного развития? Приведем такое его высказывание:

«Во всяком животном я вижу лишь хитроумную машину, которую природа наделила чувствами, чтобы она могла сама себя заводить и ограждать себя, до некоторой степени, от всего, что могло бы ее уничтожить или приве-

¹¹ Плеханов Г. В. Соч., т. 18, с. 33.

сти в расстройство. В точности то же самое вижу я и в машине человеческой с той только разницей, что природа одна управляет всеми действиями животного, тогда как человек и сам в этом участвует как свободно действующее лицо»¹².

Руссо здесь неоригинален. Приведенное высказывание напоминает произведения Ламетри: «Человек — машина» и «Человек больше чем машина». Кроме того, это высказывание свидетельствует, что Руссо, как и члены гольбаховского кружка (правда, с некоторым отличием), видел в механистическом материализме нечто положительное, сопутствующее духовной деятельности человека. Материализм же механистический, будучи непоследовательным, в конечном счете приводил к идеалистическому пониманию истории. Руссо был далек от научного, материалистического понимания закономерностей, определяющих развитие общественного сознания общественным бытием, обусловленным в конечном счете способом производства. Впрочем, и сам Плеханов в конце концов вынужден был сделать довольно веские оговорки: «Поворачиваясь спиной к экономическому прогрессу, он (Руссо.— А. Д.) не мог выработать себе стройное и последовательное мирозерцание. В его взглядах много уступок прошлому. Одной из самых главных надо считать знаменитое „Вероисповедание савойского священника“ с его наивными возражениями против материализма»¹³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Более двухсот лет отделяет нас от эпохи Жан Жака Руссо. Огромные политические, экономические, научно-технические перемены произошли за это время во всем мире. Но самые значительные из них, определяющие грядущие судьбы человечества, произошли в нашей стране, в той отсталой в ту эпоху стране, которую не сумел по-настоящему понять и оценить Руссо.

В ту пору Руссо и в голову не могло прийти, что «дикая», «варварская» Россия станет передовой индустриальной державой и что ее «незрелый», отсталый народ, поднявшись во весь свой гигантский рост, будет подлинным,

¹² Руссо Ж. Ж. Трактаты, с. 54.

¹³ Плеханов Г. В. Соч., т. 18, с. 35.